DOI: 10.22394/2304-3369-2020-5-6-15 ВАК: 22.00.08

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ УПРАВЛЯЕМОСТИ ОБЩЕСТВОМ

С.В. Егорышев[1 a]

[a]Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

АННОТАЦИЯ:
Статья посвящена рассмотрению деструктивного характера и последствий влияния преступлений экономической направленности, прежде всего коррупции, на управление современным общественным развитием. Анализ проблемы осуществлен в сопоставлении общероссийского и регионального уровней. Региональный уровень представлен Республикой Башкортостан как одним их ведущих субъектов Российской Федерации. Проведенный анализ позволил установить, что объем вреда, наносимый экономическими преступлениями управлению общественным развитием, огромен и темпы прироста этого вреда заметно выше уровня восходящей динамики этих преступлений как в стране, так и в регионе.

Не решает проблему деструктивных последствий экономической преступности правоохранительная деятельность. Несмотря на сравнительно высокий процент раскрываемости экономических преступлений в целом (более 70 %) и коррупционных в том числе (более 90 %), по причине их высокой латентности, трудностей выявления, расследования и последующего судебного преследования добиться существенного снижения их уровня не удается. В статье отмечается активная роль представителей управленческого аппарата в расширении экономической преступности, прежде всего коррупции. В этой связи в статье решается задача проанализировать состояние, динамику и особенности экономической преступности, факторы, её детерминирующие, и последствия влияния на управленческую деятельность. Анализ материала проведен и использованием межпредметной методологии (социологические и юридические науки) на основе статистического материала с 2012 по 2019 годы.

Отраженные в тексте результаты послужат дополнением теоретических и эмпирических основ социологии управления, социологии права, социологии девиантного поведения, криминологии, а также будут интересны специалистам в данной предметной области и практикам из правоохранительных органов. Выделенные в статье последствия влияния экономических и коррупционных преступлений на управление обществом позволило поставить вопрос о разработке на межпредметном уровне проблемы содержания понятий «социально терпимый уровень» данного вида преступности и «социально одобренный уровень» их минимизации, а также определения критериев измерения этих уровней, включая социальные. Это позволит переосмыслить имеющиеся и предложить новые меры, направленные на существенное снижение давления экономической преступности на управляемость обществом на разных уровнях его организации.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья содержит результаты исследования, проведенного в соответствии с государственным заданием УФИЦ РАН № 075-01211-20-01 на 2020 год.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: управление обществом, экономическая преступность, коррупция, специфика проявления, страна и регион, факторы детерминации, деструктивное влияние, направление противодействия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Егорышев С.В. (2020). Экономическая преступность как фактор снижения уровня управляемости обществом // Вопросы управления. № 5. С. 6–15.

[1]AuthorID РИНЦ: 317567

© Егорышев С.В., 2020

В настоящее время на всех уровнях организации российского социума много говорится и пишется об экономической преступности, включая ее коррупционную составляющую, и о существенном её влиянии на управляемость как российского общества в целом, так и его региональных сегментов. Средства массовой информации, сеть «Интернет» каждодневно сообщают о разоблаченных коррупционерах, о хищениях бюджетных денежных средств и вывозе их за рубеж.

Исследователи, представляющие различные отрасли социально-гуманитарных наук, еще в начале 90-х годов прошлого века сделали неутешительный вывод о том, что преступность, в том числе в сфере экономики, стала не только очевидной опасностью по отношению к социально-экономическому развитию государства, существенно замедляя динамику этого развития, но и угрозой национальной безопасности страны.

Подобная угроза в настоящее время не только сохраняется, но и существенно усиливается. При этом эту угрозу в большей мере несут преступления экономической направленности, которые в статистической отчетности правоохранительных органов представлены 48 разновидностями, из которых приносят наибольший вред и вызывают широкий общественный резонанс преступления коррупционного характера. Эти преступления в Республике Башкортостан, например, в 2018 году составили четверть от всех зарегистрированных экономических преступлений. На уровне всей страны имеет место примерно такое же соотношение (22,3 % в 2019 году).

Коррупция в общественном сознании зачастую воспринимается как естественная норма межличностных деловых отношений, а государственная и муниципальная служба оценивается как разновидность бизнеса. В результате в обществе формируется отчасти безразличное, отчасти терпимое отношение к проявлениям коррупционного поведения, а среди управленцев, особенно верхних звеньев пирамиды управления государством, соблазн воспользоваться своими должностными возможностями с целью получения для себя дополнительных благ приобрел характер непреодолимой силы, невзирая на требования правовых и профессиональных норм. В социологии это вслед за Э. Дюркгеймом называют «нарушением коллективного порядка» или «социальной дезорганизацией», т. е. аномией [1, с. 237].

Вследствие этого аппарат управления в лице бюрократии из имманентно необходимого обществу института, что, например, подчеркивал Г. Гегель [2, с. 335–336], все больше и чаще превращается в «вещь в себе» и для себя.

В этой связи можно вспомнить К. Маркса, который отмечал: «Бюрократия образует особую корпорацию, замкнутое общество в государстве. Поэтому, по сущности, бюрократия есть государственный формализм, государство как формализм, мнимое государство наряду с реальным государством. Бюрократия должна… защищать мнимую всеобщность особого интереса, корпоративный дух, чтобы спасти мнимую особенность всеобщего интереса, свой собственный дух» [3, с. 270].

В таких условиях, естественно, эффективность управленческой деятельности снижается, и все чаще высшая власть вынуждена прибегать к так называемому «ручному управлению», решать социальные и экономические проблемы, входящие в компетенцию нижестоящих субъектов в управлении. А это, в свою очередь, усиливает авторитарность управления, что является благоприятной средой для его бюрократизации.

Н. Смелзер, задавая вопрос, «станет ли общественная жизнь настолько сложной, что возникнет необходимость уничтожить бюрократию, а не совершенствовать ее на основе создания новых бюрократий», ответил, что «конца бюрократии пока не предвидится», и образно пояснил почему: «Отношения между современным обществом и бюрократией в какой-то мере напоминают отношения между супругами-неврастениками. Любовь пополам с ненавистью, но мы в такой зависимости, что не можем решиться на развод» [4, с. 194].

В настоящей статье не ставится цель рассмотрения феномена бюрократии, которому посвящено много глубоких и интересных публикаций [5; 6].

В контексте исследуемой проблемы необходимо подчеркнуть, что бюрократизм как «форма превратного понимания и осуществления социальной власти», «как искаженная

форма управления» [7, с. 415], являясь сам по себе социальным отклонением делинквентного характера, тесно связан с другими видами девиантного поведения, детерминируя их. Проявления бюрократизма как управленческой патологии и социальной девиации многоаспектны и многогранны – от чрезмерного «служебного рвения» до групповой организованной преступности [8, с. 326].

Если говорить о преступности, то бюрократизм паразитирует, прежде всего, на преступлениях в экономической сфере, способствуя коррупции, которые, в свою очередь, способствуют повсеместному распространению бюрократизма.

В силу своей высокой, даже особой опасности коррупция давно является предметом пристального внимания законодателей, политиков, правоохранительных структур, исследователей и широкой общественности. Поэтому в литературе, содержащей анализ природы этого явления, присутствует большое число определений понятия коррупции. Это связано еще и с многообразием проявления коррупции: от нравственных отклонений до коррупционных преступлений; от коррупционных проявлений в сфере государственного и муниципального управления до так называемой благодарности в межличностном общении [9; 10; 11].

По причине выраженной социальной значимости проблемы совершенствования управляемости российским обществом в целом и конкретными сферами его жизнедеятельности, а также недостаточности изучения деструктивного влияния различных факторов, включая социальную девиацию, на социально-экономическое развитие социума и управление этим процессом, прежде всего на уровне регионов [12; 13], данная проблематика должна исследоваться на междисциплинарном уровне, что значимо не только для получения интересных теоретических умозаключений, но и для последующего решения практических задач.

В этой связи в статье ставится цель проанализировать в динамике на основе статистического материала за 2012–2019 годы последствия деструктивного влияния экономической преступности на управляемость обществом в сравнении федерального и регионального (Республика Башкортостан) уровней.

Рассматривая коррупцию как фактор снижения эффективности государственного и муниципального управления, наряду с имеющимися в литературе дефинициями, на наш взгляд, целесообразно пользоваться определением, содержащимся в законодательстве: «коррупция – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [14].

Преступления коррупционной направленности отличаются выраженной латентностью, поэтому статистические оценки этого явления настолько условны, что не позволяют в полном объеме представить действительное состояние преступности в стране.

О латентности коррупции говорит, например, тот факт, что по исследованиям специалистов в конце 90-х годов прошлого века на один выявленный факт взяточничества приходилось 22 тысячи не выявленных [15, с. 277]. Уголовная статистика в силу ряда не только объективных причин фиксирует снижение в целом по стране и региону общего уровня преступности, включая экономическую (табл. 1).

Из таблицы 1 видно, что в сравнении с 2012 годом в России, также как и в Республике Башкортостан, наблюдается снижение уровня преступлений экономической направленности.

В объеме всех преступлений экономические преступления в стране и регионе составляли соответственно в 2012 году – 7,5 и 10,8 %; в 2016 году – 5,0 и 3,3 %; в 2017 году – 5,1 и 3,6 %; в 2018 году – 5,5 и 3,6 %; в 2019 году в России – 5,2 %.

Для сравнения: в Свердловской области в 2012, 2016, 2017 и 2019 годах соответственно имели место следующие показатели: 7,7; 4,4; 3,2 и 3,9 % [16; 20; 21; 22].

Таблица 1 – Состояние преступности в экономической сфере России и Республики Башкортостан в 2012-2019 годах [16; 20–24; 27–29]
Table 1 – The state of crime in the economic sphere of Russia and the Republic of Bashkortostan in 2012-2019 [16; 20–24; 27–29]

Виды преступлений	**Российская Федерация**					**Республика Башкортостан**				
	2012	2016	2017	2018	2019	2012	2016	2017	2018	2019
Всего экономической направленности, *в том числе:*	172 975	108 754	105 087	109 463	104 927	7 038	2 179	2 212	2 456	—
тяжкие и особо тяжкие	99 227	65 134	—	64 736	63 285	4 070	1 278	1 165	1 203	—
против собственности	72 004	34 673	—	33 873	32 596	3 480	653	683	698	—
в сфере экономической деятельности	34 405	28 967	—	36 543	37 788	1 094	514	460	625	—
связанные с потребительским рынком	30 066	9 882	—	10 182	8 566	1 354	109	44	60	—
в финансово-кредитной сфере	51 433	28 884	—	29 833	29 779	1 064	599	459	460	—
в сфере внешне-экономической деятельности	1 863	971	—	950	1 112	57	3	5	12	—
связанные с недвижимостью	11 093	6 362	—	7 372	7 340	619	198	619	681	—

Вместе с тем высока доля тяжких и особо тяжких преступлений экономической направленности. В 2012 году их доля составляла в России 57,4 %, а в Республике Башкортостан – 51,9 %, в 2016 году – 59,9 и 58,7 %, в 2018 году – 59,1 и 49,0 % соответственно.

В 2019 году по стране в целом эта доля составила 60,3 %, в Республике Башкортостан – 56,7 %. Для сравнения: в Свердловской области эта доля была ниже – 41,1 %. Доля тяжких и особо тяжких преступлений экономической направленности в Свердловской области в 2012 году составляла 63,7 %; в 2016 году – 67,1 %; в 2017 году – 53,2 % и в 2019 году – 46,0 % [16; 20; 23].

Приведенные в таблице 1 данные свидетельствуют, что по сравнению с 2012 годом уровень экономической преступности заметно стал ниже. Однако, в последние годы проявилась тенденция роста преступлений в сфере экономической деятельности. Экономическая преступность сама по себе свидетельствует о проявлении дисфункции в механизме управления обществом и, прежде всего, его экономической сферой. Это касается ослабления возможностей регулятивной и контрольной функций управления. Во много этим вызвана необходимость готовящейся реформы контрольно-надзорной деятельности [30, с. 2].

Экономическая преступность сужает материально-финансовую базу управления, нанося ей существенный материальный ущерб. В 2012 году такой ущерб составил по стране в целом 144 8 млрд руб., в Республике Башкортостан – 4,0 млрд руб.; в 2016 году соответственно 398,0 млрд руб. и 2,9 млрд руб.; в 2018 году соответственно 403,8 млрд руб. и 3,5 млрд руб. В 2019 году материальный ущерб от преступлений экономической направленности был равен 44,7 млрд руб., а это более 70 % от объема материального ущерба, причиненного всеми совершенными в стране преступлениями в 2019 году (627,7 млрд руб.) [16; 20–24; 27; 29].

Среди преступлений экономической направленности, деструктивно влияющих на снижение уровня и эффективности управления обществом и государством, особо следует указать на коррупционные преступления.

Статистика (табл. 2) не отражает устойчивую тенденцию снижения уровня регистрируемых преступлений коррупционного характера как на уровне страны, так и рассматриваемого нами региона. Более того, несмотря на принимаемые меры антикоррупционной борьбы, особенно заметен рост величины денежных сумм, участвующих в коррупционном обороте (получение взятки – ст. 290 УК РФ; дача взятки – ст. 291 УК РФ; посредничество во взяточничестве – ст. 291. 1 УК РФ). Так, если размер таких сумм в 2012 году в Республике Башкортостан был равен 5 463 тыс. руб., то в 2017 году – 36 940 тыс. руб. и в 2018 году – 70 132 тыс. руб. [24; 28; 29]. То есть коррупционеры стали выше ценить свои «услуги»,

Таблица 2 – Состояние преступлений коррупционной направленности в России и Республике Башкортостан в 2012-2019 годах [16; 20–24; 27–29]
Table 2 – The state of corruption-related crimes in Russia and the Republic of Bashkortostan in 2012-2019

Преступления коррупционной направленности	**Российская Федерация**					**Республика Башкортостан**				
	2012	2016	2017	2018	2019	2012	2016	2017	2018	2019
Всего таких преступлений *в том числе:*	49 513	27 050	29 634	30 495	30 991	1 690	549	593	623	—
взяточничество	9 758	9 984	12 111	527	13 867	255	327	107	293	—
коммерческий подкуп	1 212	1 165	—	968	1 294	104	116	36	36	—

возросла стоимость риска в коррупционном поведении; как следствие, появился существенный рост размеров криминального коррупционного дохода. А это тоже финансовые ресурсы, которые могли бы стать инвестициями в те или иные социально-экономические проекты.

В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, коррупция существенно подрывает авторитет не только уличенных в ней управленцев, но в целом органов власти и управления, снижает эффективность функций управления, взаимодействия его структур в управленческой иерархии, минимизирует инициативу и ответственность служащих, а значит и роль управления в общественном развитии, ставя под сомнение перспективы воплощения идей социального и правового государства в России.

Коррупция способствует также укреплению авторитарного стиля управления, так как без этого не удается решать стоящие перед управленцами задачи.

С другой стороны, парадокс состоит в том, что коррупция характеризуется высокой адаптивностью к существующим и создающимся правовым, финансово-экономическим и социальным барьерам [31, с. 8–9], разрушая имеющиеся и противодействуя созданию новых.

Необходимо согласиться со специалистами, подчеркивающими тезис о том, что «криминальная составляющая не является главенствующей в определении понятия коррупции, так как данное явление представляется неизмеримо более сложным в социальном, экономическом и политическом плане, бороться с нею посредством воздействия на ее элементы только правовыми средствами вряд ли удастся» [32, с. 141].

Более того, коррупционное поведение проявляется в качестве причины практически всех экономических преступлений, большинства других видов преступности во всех сферах общества. Вследствие этого в обществе возник своего рода синдром привыкания к ней, значительной частью социума сообщения о разоблачении мздоимцев воспринимаются как попытки одних представителей политической элиты ослабить позиции конкурентов и укрепить свое собственное положение, обеспечив продвижение в номенклатурной иерархии [32, с. 142–423].

Обобщая сказанное, укажем наиболее очевидные последствия деструктивного влияния преступлений экономического характера, прежде всего коррупции, на управляемость обществом. Эти преступления не позволяют субъектам государственного и муниципального управления всех уровней добиться эффективного решения стоящих перед ними не только стратегических, но и тактических задач, так как ограничиваются ресурсы, необходимые для их решения перераспределяются бюджетные средства. В случае же несовпадения интересов этих групп с интересами групп влияния, решаемые задачи образуют предмет конфликта интересов между обществом и государством с одной стороны и коммерческих структур – с другой; включаются механизмы лоббирования, давления, подкупа и т. п. А коррумпированный или участвующий непосредственно в экономических преступлениях управленческий персонал не поступится возможностью личной выгоды.

Последствия экономических преступлений, в том числе коррупционных, становясь достоянием гласности, подрывают доверие не только к представителям органов управления, но и к управленческим структурам в целом, ставя под сомнение их легитимность, а также вызывают в общественном сознании апатию гораздо чаще, нежели негодование. Уча-

стие государственных и муниципальных служащих непосредственно или чаще опосредованно в коммерческой деятельности, что законодательно запрещено, меняет приоритеты в выполнении ими своих должностных полномочий и снижает их эффективность, нередко сводя ее к минимуму.

Все шире в чиновничьей среде распространяется убеждение о мздоимстве как норме жизни, благодаря тому, что на заре рыночных реформ их идеологи считали коррупцию способом эмансипации чиновничества к новым рыночным отношениям (Г. Х. Панов), а Е. Т. Гайдар утверждал, что «Россию у номенклатуры нельзя, да и не нужно отнимать силой, ее можно „выкупить“» [33, с. 143]. Вот и «выкупаются» должности, контракты, ресурсы.

Ухудшается инвестиционный климат, что уменьшает поступление средств инвесторов в экономическую и социальную сферы, и капитал выводится из оборота. Экономические преступления, и главным образом коррупция, существенно снижают регулирующую роль институтов государственного и социального контроля, в том числе правосудия и правоохраны. Если обратиться к статистике, то заметен достаточно высокий процент раскрываемости выявленных экономических преступлений. Так, например, в стране в 2019 году было раскрыто 60,1 % таких преступлений, в том числе 90,9 % преступлений коррупционной направленности, включая связанные со взяточничеством – 86,1 % [23]. Вместе с тем, по оценкам специалистов, наказание виновным в этих преступлениях назначается только в каждом 4-5 случае [34, с. 227; 11, с. 20].

Очевидно, что преодолеть коррупцию и деструктивное влияние экономической преступности на функционирование системы управления полностью невозможно. Это связано с самой природой этих социальных отклонений, уровнем общественного развития, включая его социально-культурную составляющую, с ограниченными возможностями правового и в целом социального контроля, так как зачастую осуществляют этот контроль в силу должностных обязанностей сами же коррумпированные чиновники. Называть причины трудностей антикоррупционных мер можно продолжать и продолжать. В этих условиях речь должна идти о достижении социально одобряемого уровня антикоррупционной политики в стране, позволяющей обеспечить социально терпимый уровень данного вида преступности.

Для этого важно ответить на принципиальный вопрос, насколько управленческий аппарат всех уровней заинтересован и готов поступиться своим благополучием. И не на уровне «кампанейщины», а системно решать эти задачи. Характер ответа на этот вопрос повлечет за собой политико-правовые, социально-экономические, социо-культурные и научно-исследовательские действия и последствия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дюркгейм Э. (1994). Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр. ; под ред. В. А. Базарова. М. : Мысль. 399 с.

2. Гегель Г.В. (1990). Философия права / пер. с нем. ; ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М. : Мысль. 524 с.

3. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Собрание сочинений. Т. 1. Изд. 2-е. 689 с.

4. Смелзер Н. (1994). Социология / пер. с англ. М. : Феникс. 688 с.

5. Восленский М.С. (1991). Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. : «Советская Россия», МП «Октябрь». 624 с.

6. Калинина Л.Е. (2014). Программно-целевая бюрократия: публично-правовой аспект // Государственная власть и местное самоуправление. № 10. С. 11-14.

7. Граждан В.Д. (2008). Социология управления: учебник. М. : КНОРУС. 512 с.

8. Кудрявцев В.Н., Бородин С.В., Нерсесянц В.С. (1989). Социальные отклонения. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Юридическая литература. 368 с.

9. Колосова Н.М. (2014). Лоббизм и коррупция // Журнал российского права. № 2. С. 53–59.

10. Кузнецова Н.Ф. (1993). Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. № 1. С. 21–26.

11. Максимов С.В. (2000). Коррупция в России. Уфа : Уфимский филиал Академии налоговой полиции ФСНП РФ. 70 с.

12. Егорышев С.В. (2019). Деструктивное вли-

яние социальной девиации на развитие регионального социума (на примере Республики Башкортостан) // Вестник Пермского национального исследовательского университета. Серия: Социально-экономические науки. № 3. С. 17–26.

13. Егорышев С.В. (2020). Влияние криминальной девиации на демографические процессы в Республике Башкортостан // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 1. С. 89–101.

14. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Российская газета. 2020. 25 апреля.

15. Лунеев В.В. (1996). Коррупция, учтенная и фактическая // Государство и право. 1996. № 8. С. 78–91.

16. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2012 года / ФКУ «Главный информационный аналитический центр» МВД РФ. М., 2013. 50 с.

17. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2013 года / Главное информационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. М., 2014. 52 с.

18. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2014 года / Главное информационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. М., 2015. 52 с.

19. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2015 года / Главное информационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. М., 2016. 52 с.

20. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года / ФКУ «Главный информационный аналитический центр» МВД РФ. М., 2017. 53 с.

21. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2017 года / Главное управление правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ. М., 2018. 43 с.

22. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2018 года / ФКУ «Главный информационный аналитический центр» МВД РФ. М., 2019. 53 с.

23. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года / ФКУ «Главный информационный аналитический центр» МВД РФ. М., 2020. 65 с.

24. Итоги деятельности МВД по РБ за январь – декабрь 2012 года / Информационный центр МВД по РБ. URL: https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/ (дата обращения: 01.10.2019).

25. Итоги деятельности МВД по РБ за январь – декабрь 2013 года / Информационный центр МВД по РБ. URL: https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/ (дата обращения: 15.03.2020).

26. Итоги деятельности МВД по РБ за январь – декабрь 2014 года / Информационный центр МВД по РБ. URL: https//02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/ (дата обращения: 01.10.2019).

27. Итоги деятельности МВД по РБ за январь – декабрь 2016 года / Информационный центр МВД по РБ. URL: https//02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/ (дата обращения: 03.06.2019).

28. Итоги деятельности МВД по РБ за январь – декабрь 2017 года / Информационный центр МВД по РБ. URL: https//02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/ (дата обращения: 15.03.2020).

29. Итоги деятельности МВД по РБ за январь – декабрь 2018 года / Информационный центр МВД по РБ. URL: https//02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/ (дата обращения: 25.10.2019).

30. Галиева Д. (2020). КНД войдет в вечность (Бизнес просит сделать реформу контроля и надзора постоянной) // Коммерсант. № 123. 15 июля.

31. Гилинский Я.И. (2019). Преступность: Что это? Кто виноват? // Вестник Казанского юридического института МВД России. № 1 (35). С. 6–13.

32. Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. М. : ИСПИ РАН, 2014. 306 с.

33. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М. : Евразия, 1995. 208 с.

34. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции : Монография. М. : Волтерс Клувер, 2005. 912 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Егорышев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор; Институт социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (450054, Россия, Уфа, пр-кт Октября, 71); sv_egoryshev@mail.ru.

ECONOMIC CRIME AS A FACTOR IN REDUCING THE LEVEL OF SOCIAL GOVERNABILITY

S.V. Egoryshev[2a]

[a]Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

ABSTRACT:
The article deals with the destructive nature and consequences of the impact of economic crimes, primarily corruption, on the management of modern social development. The problem is analyzed by comparing the national and regional levels. The regional level is represented by the Republic of Bashkortostan as one of the leading subjects of the Russian Federation. Due to the analysis it became possible to figure out that the amount of harm caused by economic crime management, social development is tremendous, and the growth rate of this damage is considerably above the level of the rising dynamics of these crimes both in the country and in the region.

Law enforcement does not solve the problem of the destructive consequences of economic crime. Despite the relatively high clearance rate in the economic sphere in general (more than 70 %) and corruption crimes in particular (more than 90 %), due to their high latency, difficulties in detecting, investigating and subsequent prosecution, it is not possible to achieve a significant reduction in their level. The article notes the aggressive role of the administrative staff in the expansion of economic crime, especially corruption. In this regard, the article solves the problem of analyzing the situation, dynamics and features of economic crime, the factors that determine it, and the consequences of its influence on management activities. The analysis of the material was carried out using an interdisciplinary methodology (social and legal sciences) based on statistical material from 2012 to 2019.

The results reflected in the text will complement the theoretical and empirical basics of the sociology of management, the sociology of law, the sociology of deviant behavior, criminology, and will also be of interest to experts in this subject area and practitioners from law enforcement agencies. Highlightening the effects of economic and corruption crimes on the management of the company has allowed us to raise the issue of development at the interdisciplinary level the content of the concepts of "socially tolerable level" of this type of crime and "socially approved level" of their minimization, and the establishment of criteria to measure these levels, including social ones. This will enable us to rethink the existing measures and propose new ones aimed at significant reduction of the pressure of economic crime on the manageability of society at different levels of its organization.

FUNDING: The article contains the results of a study conducted in accordance with the national task of the Ural Federal Research Center of No. 075-01211-20-01 for 2020.

KEYWORDS: governance of society, economic crime, corruption, specificity of the effect, country and region, determination factor, destructive effect, counteracting direction.

FOR CITATION: Egoryshev S.V. (2020). Economic crime as a factor in reducing the level of social governability, *Management Issues*, no. 5, pp. 6–15.

REFERENCES

1. Durkheim E., Bazarov V.A. (ed.) (1994). Suicide: A Sociological Study. Moscow, Mysl, 399 p.

2. Hegel G.W.F. (1990). Philosophy of Law. Moscow, Mysl, 524 p.

3. Marx K., Engels F. To criticism of Hegel's philosophy of law. Collected works. Vol. 1. 2nd ed., 689 p.

4. Smelzer N. (1994). Sociology. Moscow, Phoenix, 688 p.

5. Voslensky M.S. (1991). Nomenclature. The

[2]RSCI AuthorID: 317567

dominant class of the Soviet Union. Moscow, Soviet Russia, October, 624 p.

6. Kalinina L.E. (2014). Program-target bureaucracy: public-legal aspect, *State power and local government*, no. 10, pp. 11–14.

7. Grazhdan V.D. (2008). Sociology of management. Textbook. Moscow, KNORUS, 512 p.

8. Kudryavtsev V.N., Borodin S.V., Nersesyants V.S. (1989). Social deviations. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 368 p.

9. Kolosova N.M. (2014). Lobbyism and Corruption, *Journal of Russian Law*, no. 2, pp. 53–59.

10. Kuznetsova N.F. (1993). Corruption in the system of criminal offenses, *Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*, no. 1, pp. 21–26.

11. Maksimov S.V. (2000). Corruption in Russia. Ufa, Ufa branch of the Tax Police Academy of the Federal Tax Police Service of the Russian Federation, 70 p.

12. Egoryshev S.V. (2019). Destructive influence of social deviation on the development of regional society (on the example of the Republic of Bashkortostan), *Bulletin of the Perm National Research University. Series: Socio-economic sciences*, no. 3, pp. 17–26.

13. Egoryshev S.V. (2020). The impact of criminal deviation on demographic processes in the Republic of Bashkortostan, *Bulletin of RUDN. Series: Sociology*, vol. 20, no. 1, pp. 89–101.

14. On combating corruption, Federal Law No. 273-FZ dated December 25, 2008 (as amended on April 24, 2020). Rossiyskaya Gazeta. 2020. April 25.

15. Luneev V.V. (1996). Corruption, considered and factual, *State and Law*, no. 8, pp. 78–91.

16. The state of crime in Russia in January – December 2012. Main information and analytical center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2013, 50 p.

17. The state of crime in Russia in January – December 2013. Main information and analytical department. Department of Legal Statistics of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow, 2014, 52 p.

18. The state of crime in Russia in January – December 2014. Main information and analytical department. Department of Legal Statistics of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow, 2015, 52 p.

19. The state of crime in Russia in January – December 2015. Main information and analytical department. Department of Legal Statistics of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow, 2016, 52 p.

20. The state of crime in Russia in January – December 2016. Main information and analytical center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2017, 53 p.

21. The state of crime in the Russian Federation in January – December 2017. Main Department of Legal Statistics and Information Technologies of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow, 2018, 43 p.

22. The state of crime in Russia in January – December 2018. Main information analytical center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2019, 53 p.

23. The state of crime in Russia in January – December 2019. Main Information Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2020, 65 p.

24. The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan for January – December 2012. Information Center of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan. URL: https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/ (accessed 01.10.2019).

25. The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan for January – December 2013. Information Center of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan. URL: https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/ (accessed 15.03.2020).

26. The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan for January – December 2014. Information Center of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan. URL: https//02.xn–b1aew.xn–p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/ (accessed 01.10.2019).

27. The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Bashkortostan for January – December 2016. Information Center of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan. URL: https//02.xn–b1aew.xn–p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/ (accessed 03.06.2019).

28. The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan for January – December 2017. Information Center of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan. URL: https//02.xn–b1aew.xn–p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/ (accessed 15.03.2020).

29. The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan for January – December 2018. Information Center of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan. URL: https//02.xn–b1aew.xn–p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/ (accessed 25.10.2019).

30. Galieva D. (2020). Control and supervisory activities will enter eternity (Business asks to make the reform of control and supervision permanent), *Kommersant*, no. 123. July 15.

31. Gilinsky Ya.I. (2019). Crime: What is it? Who's guilty? *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (35), pp. 6–13.

32. Sociology and economics of modern social reality. Social and socio-political situation in Russia in 2013. Moscow, ISPI of RAS, 2014, 306 p.

33. Gaidar E.T. (1995). State and evolution. Moscow, Eurasia, 208 p.

34. Luneev V.V. (2005). XX century crime. World, regional and Russian trends. Moscow, Walters Kluver, 912 p.

AUTHORS' INFORMATION:

Sergey V. Egoryshev – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Institute for Socio-Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Av., Ufa, 450054, Russia); sv_egoryshev@mail.ru.